

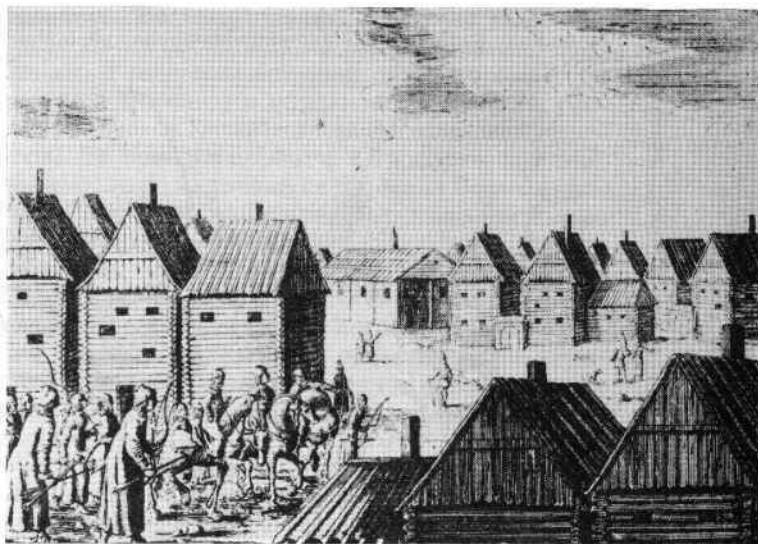
ФОРМИРОВАНИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ

Ландшафтная ситуация, предопределившая формирование плана Москвы, была типична для древнерусских городов. Ядро города — детинец, известный в Москве под названием Кремля, возник на крутом мысу у впадения реки Неглинной в Москву-реку, на Боровицком холме. К востоку от него рос посад. Рано начало осваиваться и правобережье Неглинной — Занеглименье¹. Но план города развешивался не из одной точки: его структура с самого начала была полицентрической.

В среднем течении Москвы-реки еще задолго до прихода сюда славян сложилась сеть поселений, относившихся к дьяковской археологической культуре, начавшей свое существование в середине I-го тысячелетия до н.э. и закончившей в середине I-го тысячелетия н.э., а в ряде случаев — в конце этого тысячелетия, то есть в то время, когда на землях Волжско-Окского междуречья стали расселяться славяне, преимущественно вятичи, ассимилировавшие культурные традиции местного населения². Свое название эта культура получила по первому раскрытому городищу вблизи села Дьяково. В дальнейшем аналогичные городища и селища были обнаружены в Кунцево, Тушине, Химках, Филях, на Сетуни, в Нижних Котлах. На Боровицком холме тоже найдены следы дьяковской культуры.

В XII-XIII вв. на территории нынешней Москвы возникло целое гнездовье древнерусских "градов" и сел, которые расположились по берегам Москвы-реки и ее притоков: Сходни, Сетуни, Раменки, Котловки, Чертановки, Городни. Судя по выявленным археологами остаткам культурного слоя и по группам курганных могильников, их общее число достигало 100³. Очевидно, что Москва возникла как центр целой родоплеменной общности. Именно так, из "сгустков" родовых поселений вырастали и многие другие древнерусские города, во всяком случае те города, которые издавна были столицами земель, а позже уделов древней Руси⁴.

Таким образом, обширная территория, занятая ныне Москвой, была исстари освоена человеком, хорошо знавшим все выгоды и неудобства данного места, речных и сухопутных путей,

прибрежных круч и низин, плодородие почв и пригодность их для строительства, богатства окружающих лесов. По берегам рек и речушек разрастались неукрепленные села, контрастируя своей свободной просторностью с подчеркнутыми замкнутыми, компактными, поднятыми на вершины холмов, обнесенными земляными валами и бревенчатыми стенами "градами" или детинцами, которые служили общинными центрами, совмещавшими в себе оборонительные, властные и культовые функции.

Был ли град на Боровицком холме изначально главным центром всего этого москворецкого гнездовья, или он выделился после того, как здесь обосновался Ростово-Суздальский князь Юрий Долгорукий? И.Е.Забелин, анализируя природно-географическую ситуацию, в условиях которой зарождалась Москва, высказывал некоторое недоумение, что центр города утвердился не в самом выгодном месте с точки зрения контроля над речными путями. По его мнению, естественнее было бы ожидать развития города либо на Сходне, либо на Яузе, которые связывали Москву-реку с бассейном Клязьмы, поскольку речка Неглинная имела сугубо местное значение⁵. Однако, надо признать, что древнерусские города своим существованием бывали обязаны, в большинстве своем, не столько активности торговых связей, сколько благоприятным для жизни условиям, наличию плодородных земель и надежной защищенности. Град на Боровицком холме не был непосредственно связан со Сходненским и Яузским речными путями, но он занял одно из центральных мест среди поселений бассейна реки Москвы. Причем, он был не из тех городков, которые "прятались" в складках рельефа на малых речках, но самим своим расположением на большом повороте главной в здешней местности реки, на крутом берегу, широко открытом пойменным далям, он с определенностью заявлял о своей доминирующей роли. И совершенно естественно, что именно он стал называться по имени Москвы-реки и что именно здесь Юрий

Следы древнейших поселений в среднем течении реки-Москвы. Схема составлена по материалам А.Г.Векслера и М.Г.Рабиновича

Долгорукий построил свою усадьбу. Правда, тогда, в домонгольский период, это был еще очень небольшой город, крепостное ядро которого занимало площадь всего в несколько гектаров.

Как и другие древнерусские города, Москва долгое время имела неоднородную, дробную структуру. Об этом писали иностранные путешественники XVI-XVII вв., отмечавшие "деревенский" характер застройки московских посадов, об этом свидетельствуют и археологические исследования, обнаруживающие "пятнистость" древнего культурного слоя Москвы. Большое влияние на формирование селитебных территорий города оказывали не только крупные изломы рельефа, русла рек и ручьев, но и микрорельеф, заставлявший часто нарушать прямоугольную в принципе конфигурацию жилых дворов, разворачивать дома и церкви под разными углами по отношению к странам света, обходить застройкой болотистые низины, грозящие оползнем кручи и прочие неудобья. Последние могли оказывать сильное и длительное влияние на формирование плана соответствующих городских зон вплоть до самого позднего времени, когда в уже плотно застроенном городе появлялись, наконец, необходимость и возможность освоения и этих локальных участков.

Но дробность застройки города обуславливалась отнюдь не только трудными условиями пересеченной местности. Она возникала в силу самого традиционного уклада жизни, требовавшего иметь при каждом доме двор и огород, а при группе дворов, образующих посадскую общину, — необходимые ей земельные угодья, выгоны.

Дороги, соединявшие отдельные поселки между собой и с общим центром (городом в узком смысле слова), проходили сначала и по лесам, и по лугам. Постепенно их сеть уплотнялась и появлялись дополнительные ответвления к новым селам и слободам. Но прежде всего, надо думать, новые поселения возникали на первых дорогах, трассы которых все более закреплялись архитектурными средствами и становились пространственным костяком, формировавшим дальнейшее развитие плана города. При этом частичные изменения трасс дорог, по мере их превращения в городские улицы, могли иметь место всегда, вплоть до позднейшего времени, но принципиальная схема плана оставалась неизменной. Понятно, что степень изменчивости первоначальных направлений зависела не только от характера участков, по которым они проходили, но прежде всего, от значимости дорог, от их дальности, пешеходной и транспортной нагруженности. Самыми подвижными были поперечные междворовые проезды и тупики, которые могли и вовсе исчезать при укрупнении усадеб. Последнее происходило нередко в связи с имущественным и социальным расслоением общества и изменением государственной политики налогообложения.

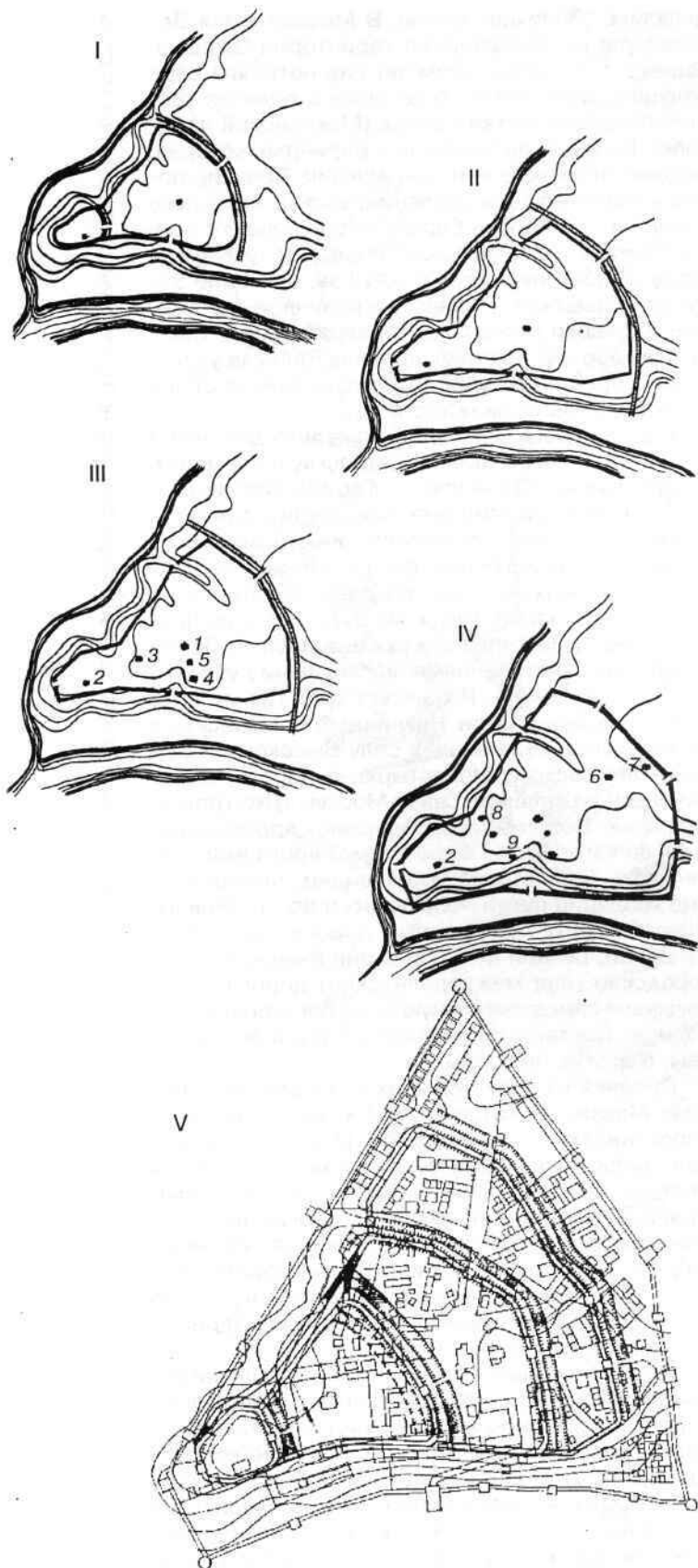
У дорог были свои закономерности взаимосвязи с ландшафтом: в каждом древнерусском поселении, в том числе и в Москве, возникали улицы, направленные вдоль рек, как больших, так и малых, что впрямую соотносится с традицией строительства прибрежных сел. Среди них вы-

делялись "Великие" улицы. В Москве такая Великая улица проходила по территории Зарядья. Однако с течением времени она потеряла свое ведущее значение и обратилась в один из тесных переулков Китай-города (Мокринский переулок). Ее функция перешла к Варварке, которая, видимо, тоже издревна пересекала Великий посад в широтном направлении, только несколько севернее, по бровке берегового склона, то есть по границе верхней части посада и нижней — Подола, получившего в XVI-XVII вв. название Зарядья. Наверное, именно пограничное положение Варварки помогло ей превратиться в транзитную дорогу, тогда как древняя Великая улица, будучи срединной улицей Подола, имела более ограниченные возможности роста⁶.

Вдоль берега Неглинной тоже шла древняя и важная дорога, связывавшая Москву с Ростовом, Переяславлем-Залесским, Троице-Сергиевым монастырем. Трассировка этой дороги демонстрирует существенную закономерность: выходя из города, большая торная дорога стремилась подняться как можно выше по рельефу, выйти на самый водораздел, тогда как пути по более низким береговым террасам оказывались ее более короткими ответвлениями, локальными дублерами (пример тому — Рождественка). Так же и по другую сторону реки Неглинной ближайшая к берегу улица вела лишь к селу Высокому и Высоко-Петровскому монастырю, а дороги, обеспечивавшие внешние связи Москвы (Дмитровка, Тверская, Волоцкая, Смоленская), прокладывались по взгорью, по мере возможности выше по рельефу. Существовали, очевидно, определенные градации путей — от речного до столбового "прямоезжего". Приречные дороги дополняли основной, речной путь. Большие внешние, междоросские (или междеревенские) дороги образовывали самостоятельную сеть, альтернативную водной. Соответственно, одни пути шли по долам, а другие по горам⁷.

Средняя из трех больших улиц Великого посада Москвы — Китай-города — Ильинка, трассированная по водоразделу рек Москвы и Неглинной, подводила напрямую к главным воротам Кремля — Фроловским (с 1657 г. — Спасским). Правда, путь по Ильинке — Покровке не имел междоросского транзитного значения, что можно объяснить принадлежностью пригородных земель, лежавших на этом пути, великому князю (позже царю). Этот въезд в город был издревле главным государевым путем.

Между Никольской и Ильинкой посреди нагорной части Великого посада некогда шла еще одна дорога в восточном направлении — из Кремля к Богоявленскому монастырю (основание которого предание относит к концу XIII в.). Ее следы угадываются в кремлевском переулке, проходившем по северной границе Чудова и Вознесенского монастырей, в створе которого оказалась Глухая (Сенатская по позднему наименованию) башня Кремля Ивана III. А на посаде ее след продолжается в центральной поперечном проходе Верхних Торговых рядов, направленном прямо на указанный монастырь. Видимо, это была древнейшая радиальная дорога в нагорной части посада, которая утратила свое значение с укрупнением Кремля.

Основные этапы территориального развития Московского Кремля:

I — до 1156 г.; II — 1156 г.; III — 1340 г. IV — после 1367 г.; 1 — Успенский собор; 2 — церковь Рождества Иоанна Предтечи; 3 — собор Спаса на Бору; 4 — собор Архангела Михаила; 5 — Церковь Иоанна Лествичника; 6 — собор Чудова монастыря; 7 — собор Вознесенского монастыря; 8 — церковь Рождества Богородицы на Сенях; 9 — церковь Благовещения; V — совмещенная схема-гипотеза Г.В.Борисевича.

Точки пересечения сухопутных и водных путей имели большое самостоятельное значение как достаточно твердые планировочные узлы в развивающейся структуре города. Прежде всего это были речные броды. На Москве-реке существовали броды в устьях Неглинной и Сетуни. Первый из них предопределил начальную точку пучка дорог Замоскворечья (улиц Якиманки и Полянки), а второй — направление старой Смоленской дороги (улицы Пречистенки). Развитие города и активизация связей между его отдельными частями, разделенными реками, вызывали потребность в строительстве мостов, число которых, однако, долгое время было весьма ограниченным. Через большие реки даже в крупных городах (например, в Новгороде) перекидывался лишь один мост. В Москве, вероятно, начиная с XIV в. существовал Москворецкий наплавной мост, располагавшийся приблизительно посередине Подола — той прибрежной части посада, где исстари находились причалы и Торг, о чем, в частности, свидетельствует посвящение стоявшей здесь церкви Николае Мокрому — покровителю торговли и судоходства. В Замоскворечьи прямо от этого моста начиналась Серпуховская дорога (Большая Ордынка), направлявшаяся к Спасо-Данилову монастырю (основан в конце XIII в.), а также почти параллельная ей Пятницкая улица.

Мостов через малые реки было, очевидно, больше, о чем свидетельствует сложившийся рисунок плана уличной сети допетровской Москвы. Во многих случаях мостам через реки соответствовали ворота в городских стенах. А там, где перед стенами не было естественных водных преград, создавались искусственные — рвы, через которые опять-таки приходилось перекидывать мосты. Нельзя однозначно ответить на вопрос, что играло главенствующую роль в формировании плана города — мосты и ворота, к которым сходились дороги, или сложившиеся трассы этих последних, на которых необходимо было устраивать переправы и ворота? Очевидно, что могли быть разные случаи, и этот вопрос решался по-разному, когда речь шла о внешних кольцах укреплений, опоясывавших обширную территорию, и когда — о крепостном ядре города, претерпевшем перестройку и укрупнение.

В ранний период число ворот в городах было небольшим. Патриархальные городища часто имели всего лишь одни ворота. Древние укрепления на мысу Боровицкого холма обязательно имели ворота с восточной, напольной стороны, но вряд ли их было уже тогда трое, как в Кремле Ивана III. А с запада на первых порах ворот могло не быть вовсе, но скорее всего уже в домонгольский период определилось местоположение Боровицких ворот, к мосту перед которыми сходились Старая Смоленская и Звенигородская (Волоцкая или Новгородская) дороги (с XVII в. улицы Волхонка и Знаменка). Другие радиальные улицы Занеглименья: Большая Никитская, Тверская, Дмитровка, Петровка — сходились, по-видимому, ко второй переправе через Неглинную, находившейся в районе нынешней Средней Арсенальной башни Кремля, на которую и приходилась северная граница Кремля XIV в. Увеличение территории Кремля в этой части, осуществленное Иваном III, повлекло за собой перемеще-

ние моста выше по течению Неглинной. Видимо поэтому Тверская улица при подходе к мосту и Воскресенским (Неглименским) воротам Китай-города стала слегка поворачивать и отклоняться к северу. Что касается улицы Воздвиженки, то первоначально она, возможно, тоже подтягивалась к общему для всего этого веера дорог месту переправы через Неглинную, хотя в дальнейшем, на рубеже XV-XVI вв. почти точно по ее трассе был устроен северо-западный вход в Кремль — через Кутафью башню, каменный мост и Ризоположенские (Троицкие) ворота. Вероятность того, что ворота и мост тут существовали и в XIV в. невелика, поскольку в планировке Занеглименского посада мы не видим признаков тяготения к этой точке других улиц, а это, наверное, произошло бы в случае ее ранней фиксации.

С ростом города и укрупнением территории Кремля увеличивалось число ворот, и в то же время некоторые прежние пути оказывались перекрытыми глухими стенами (см. выше о следах Верхнепосадской улицы из Кремля к Богоявленскому монастырю). Бывали случаи, когда число ворот сокращалось, ворота закрывались, а дороги, направлявшиеся к ним, вынуждены были корректировать свою трассировку (так, например, произошло в XVII в. с Константино-Еленинскими воротами Кремля и улицей Варваркой). При этом всегда оставлявшаяся перед стенами города свободная от застройки зона — крепостной гласис, — позволяла достаточно плавно изменять трассы начальных участков дорог, обеспечивая тем самым сохранение органичности общего рисунка плана города. Многие посадские улицы, как известно, изначально направлялись на глухие башни и стены городских крепостей, но через ту пространственную зону, которая окружала эту крепость, и они тоже получали возможность выйти к воротам. Похожая схема движения дорог возникла и по берегам рек, где малые поперечные улицы и переулки поворачивали и сливались в общем продольном потоке к редким на первых порах пунктам переправ. Таким образом, дороги, которые вторили преградам (естественным и искусственным), органически сопрягались с дорогами, пересекавшими их. Возникало некое возвратно-круговое движение путей и преград, как бы переходящих на разных витках друг в друга и образующих нерасторжимо связанный с ландшафтом ветвистый рисунок плана. Улицы-дороги можно было уподобить рекам с их большими и малыми притоками, разветвлениями, изгибами и порогами. Они то сходились в пучки, то расходились веерами⁸.

Конечно, “веерность” и “ветвистость” плана древнерусского города была не самоцелью, а лишь результатом трудного компромисса между разными движущими силами и ограничениями. Это была своеобразная форма претворения в конкретных градостроительных условиях известной радиально-кольцевой схемы, которая в целом имела более универсальный характер, нежели “веерно-ветвистая” или “спирально-веерная”. Понятно, что приближаясь к центру города, радиальные дороги неизбежно должны были сближаться и сливаться друг с другом, а их общее число уменьшаться. Соответственно уменьшалось и число ворот в тех поясах городских ук-

реплений, что располагались ближе к центру. То есть по мере приближения к центру города происходило укрупнение его планировочной структуры. Вместе с тем, повышалась плотность застройки, затесненность дворов, улиц и площадей. Здесь ощущалось какое-то особое напряжение от сужения, стягивания “в точку” плана города и одновременно — его преобразования, интегрирования в нечто более цельное и крупное. Это было как бы сплавление радиально-кольцевой планировки с прямоугольной, “порядково-линейной”, которая определяла разбивку участков вдоль каждой отдельно взятой улицы.

Тяготение к прямоугольной планировке прослеживалось повсюду, особенно в решении локальных городских зон. Получалось, что городская ткань была будто-бы сотканной из лоскутов, которые не давали возможности воплотить радиально-кольцевую систему в чистоте ее геометрического рисунка. “Швы” между этими отдельными “лоскутами” получались разными. На периферии между отдельными слободами и селами длительное время оставались буферные зоны, зоны “мягкой неопределенности”, а ближе к центру, в условиях сплошной застройки границы отдельных участков и кварталов оказывались весьма ломаными.

Некоторые городские улицы как бы “нанизывали” на себя отдельные посадские общины, слободы, другие же служили пространственными границами между ними. Внутрислободские улицы в XVI-XVII вв. перекрывались решетками и “рогатками”, охранялись сторожами и в ночное время были совершенно недоступны для проезда и прохода. Поэтому многие улицы Москвы расчленились на ряд отрезков, относившихся к разным слободам и, соответственно, получавших разные наименования. Улицы между слободами или отдельными боярскими и купеческими дворами были, скорее всего, казенными, общегородскими.

Поперечные междворовые улицы и переулки становились соединительными пространствами между двумя, тремя, а иногда и многими радиальными дорогами. Их, действительно, можно назвать вслед за Г.Я. Мокеевым “улицами-связками”. Как правило, они получались весьма извилистыми, с изломами и перебивками, но вдоль внешних сторон крепостных стен такие пространства уже представляли в виде достаточно широких и протяженных полукольцевых магистралей, хотя они тоже с течением времени “зарастали” посадскими и торговыми строениями.

Сохранившееся до настоящего времени полукольцо поперечных улиц, пересекающих территорию Белого города примерно посередине, по линии Кузнецкого моста, дает основание предполагать, что по этой линии в ранний период (скорее всего в XIV в.) проходила внешняя граница Занеглименского посада⁹. По этой же линии растянулась цепочка монастырей (Алексеевский, Крестовоздвиженский, Никитский, Воскресенский, Георгиевский, а по другую сторону Неглинной — Златоустовский, Ивановский), основанных видимо, за пределами уже занятой посадом территории. В XIV в. были основаны и чуть более удаленные от центра Высокопетровский, Рождественский и Сретенский монастыри, зафиксировавшие новую границу посада, по которой в XVI в. были возведены каменные стены Белого города.

Схема планировочного развития Москвы XV в.
Монастыри:

1 — Спаса "на Бору"; 2 — Богоявленский (1296 г.); 3 — Высокопетровский (1326 г.); 4 — Спаса-Андроников (1359 г.); 5 — Алексеевский (1360 г.); 6 — Чуда Михаила Архангела в Хонех (Чудов) (1365 г.); 7 — Афанасьевский (1385 г.); 8 — Вознесенский (1386 г.); 9 — Рождественский (1386 г.); 10 — Ильинский "на Воронцовом поле" (1389 г.); 11 — Николы Старого (1389 г.); 12 — Сретенский (1397 г.); 13 — Новинский (1410 г.); 14 — Златоустовский (до 1412 г.); 15 — Рождества Иоанна Предтечи "под Бором" (1415 г.); 16 — Геор-

гиевский (1462 г.); 17 — Рождества Богородицы "в Голутвине" (1472 г.); 18 — Покровский "в Садах" (1479 г.); 19 — Воскресенский (1479 г.); 20 — Спаса "в Чигасах" (1483 г.); 21 — Покровский "на Лыщикове горе" (1490 г.); 22 — Варсанофьевский (1479 г.); 23 — Ивановский "на Кулишках" (конец XIV в.); 24 — Крестовоздвиженский (конец XIV в.); 25 — Космы и Дамиана (конец XIV в.?).
Села: I — Высокое; II — Киевец; III — Кудрино; IV — Дорогомилово; V — Ваганьково; VI — Семейчинское; VII — Голутвино; VIII — Хвостовское; IX — Кольчево; X — Воронцово.

Схема составлена Р.В.Цеханским

Располагаясь по кольцу, монастыри тяготели к радиальным дорогам, в ряде случаев они закрепили важнейшие точки пересечения радиальных и кольцевых направлений. Нечто подобное наблюдалось и с южной стороны Москвы, хотя здесь цепь монастырей-сторожей была выдвинута гораздо дальше от Кремля и не сопровождалась созданием кольцевой линии стен и дорог. Это были отдаленные монастыри, которые в XVI-XVII вв. приобрели военно-оборонительное значение форпостов. Посетивший Москву в первой половине XVI в. С. Герберштейн отмечал сходство этих монастырей с целыми городками на подступах к великой столице¹⁰.

Монастыри были и в центре Москвы, в самом Кремле и в Китай-городе (Чудов, Вознесенский, Богоявленский, Знаменский, Никольский). При Иване Калите средоточием Кремля служил Спасо-Преображенский монастырь, собор которого, Спаса на Бору, сохранял свое центральное положение во дворе великокняжеского двора и после того, как по повелению Ивана III монастырь отсюда был переведен ниже по течению Москвы-реки в район Крутиц — на "Новое".

Иногда монастыри были совсем небольшими и не несли крепостных функций. Там, где не было монастырей, в роли градостроительных доминант, отмечавших точки пересечения или, может быть, точнее — схождения и сопряжения разнонаправленных путей и преград выступали отдельные храмы, а также часовни или, хотя бы, иконы в кивотах, устанавливавшиеся над входами не только в городские и монастырские, но и в рядовые усадебные ворота. Особо почитались и уличные перекрестки, называвшиеся "крестцами", на которых устанавливались отдельно стоящие кресты. Тут, как и при мостах и воротах, возникали торговые площади. Известен целый ряд крестцов в Китай-городе. Главным крестцом здесь служило возвышенное место при въезде в Кремль, так называемое Лобное место. Именно здесь, на крестцах заключались "начала" городских пространств; сюда сходились и отсюда расходились пути-дороги, "разворачивалось" пространство соответствующей городской зоны. Такое же стягивание пространственных осей можно было ощутить и в отдельном дворе, и в отдельном доме, а с наибольшей определенностью и последовательностью — в храме. Вся структуру города насквозь пронизывала универсальная многоступенчатая аналогия между "макрокосмом" и "микроскосмом". Город имел иерархически неоднородную полицентрическую структуру, на его обширной территории устанавливалось множество архитектурных вех, узловых точек разной значимости, служивших опорой для формирования его плана.

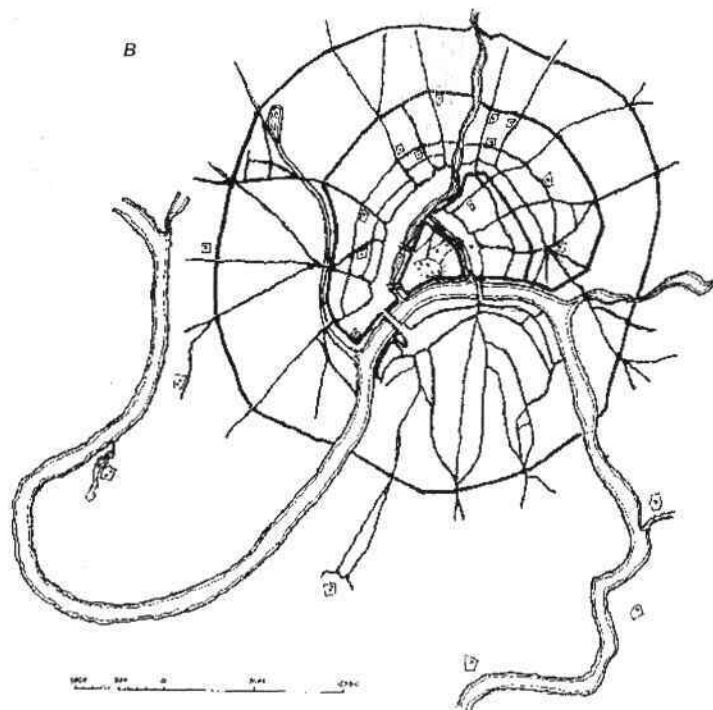
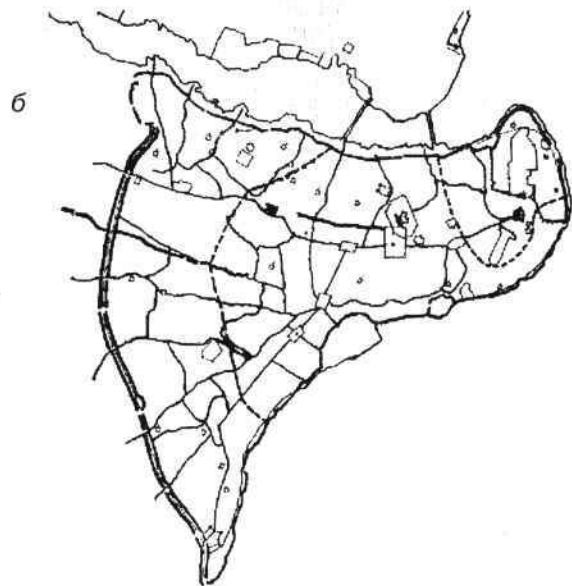
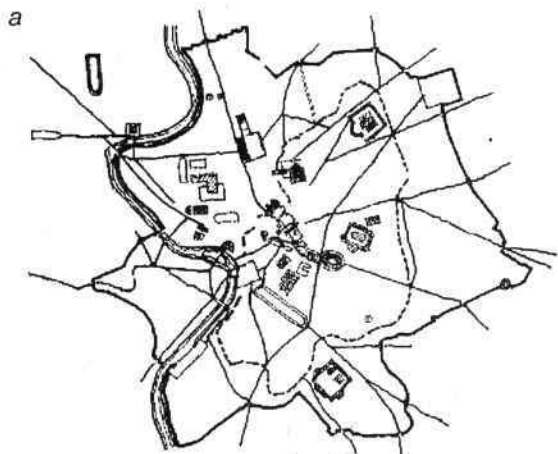
Застройка средневековой Москвы была усадебной, дробной, во многом сохранявшей сельский характер. Поэтому ее объемно-пространственная структура оказывалась весьма живописной и многоплановой. Пластичный рисунок контуров улиц и переулков, отвечавший рельефу и микрорельефу, последовательно прочитывался только в самом нижнем ярусе застройки, образованном глухими стенами выходивших на улицы строений и оград. В верхних ярусах застройки формировались совсем иные соотношения

объемов и пространств¹¹. Между вертикальными доминантами, прежде всего, церквами и колокольнями, а также крепостными башнями и некоторыми теремами с высокими чердаками возникла своя особая система связей — визуальных, воздушных, то есть проходивших по прямым линиям, в отличие от извилистых линий улиц, рек, всевозможных ограждений. Многочисленные церковные главы выразительно перекликались между собой и парили над городом, определяя формирование его силуэта, который буквально поражал воображение иностранных путешественников XVII в.

При движении по улицам средневековой Москвы в прорывы между постройками открывались самые разные и по глубине, и по ширине пространственного охвата виды. На поворотах, будучи не вполне замкнутым, уличное пространство как бы "растекалось", а в ансамбль улицы, порой, оказываясь входящим весьма далеко отстоящий храм или крепостная башня. Предусмотреть и запроектировать все эти эффекты сменяющихся архитектурных картин было практически невозможно. Они складывались постепенно и во многом непреднамеренно. В основе формирования такой разреженной застройки улиц лежали весьма устойчивые принципы усадебного строительства, которые надо считать исконной традицией древнерусского градостроительства, уходящей своими корнями в патриархально-общинную эпоху¹².

Создание Московского самодержавного государства сопровождалось все большей централизацией управления разными сферами жизни, в том числе и градостроительной деятельностью, развернувшейся по всей стране. В этой деятельности небывалую дотоле значимость приобрели официальные узаконения и регламентации. Но все же их нельзя абсолютизировать. Так проявлялась лишь тенденция к большей упорядоченности и регулярности построения города, никогда не достигавшая полноты своего воплощения. Причем, эту же тенденцию можно было наблюдать в более скромных масштабах и ранее, но в новых условиях она получила дополнительные импульсы и возможности для своей реализации.

Прежде всего надо упомянуть в этой связи Кремль, который реконструировался Иваном III на традиционной основе, но под воздействием сильного волевого начала. В плане Кремля хорошо видно, как изначально predeterminedенная естественным ландшафтом сложная градостроительная форма укрупнялась, выправлялась по частям и становилась такой внутренне закономерной геометрической формой, которая теперь уже как бы накладывалась на этот ландшафт, врезалась, "покоряя" и преображая его. Этому сопутствовало решительное "отбрасывание" посадской застройки от стен Кремля и даже изменение ее планировочных осей, о чем свидетельствуют в частности, археологические раскопки в Историческом проезде. В центре старого города вдруг образовались обширные свободные пространства, "полые места", градостроительный масштаб центра Москвы рубежа XV-XVI вв. резко возрос. Кремлевский крепостной гласис на приступе стал новым пространственным центром всего города.

14 Планы Рима (а), Константинополя (б) и Москвы (в) в общем масштабе

Оставшийся вполне традиционным по своей планировке посадом-предградьем Кремля, Китай-город, вместе с тем, стал тоже небывало крупным общегородским, мало того — общегосударственным торговым центром (этому, очевидно, способствовало освобождение Кремля от торговых функций). Можно констатировать, что планировочное развитие Москвы в XVI в. сопровождалось целенаправленным укрупнением системы ее функционального зонирования. Не только в Китай-городе, но и в Занеглимени, и в Замоскворечьи сформировались обширные площади торгов. А зимой торг устраивали прямо на льду Москвы-реки. Кремль попал в окружение огромной торговой зоны. В дальнейшем торги сложились и в отдалении от центра — у стен и ворот внешних городских укреплений.

В конце XVI в. Москва значительно расширилась и получила сразу два новых кольца крепостных стен: каменных и деревоземляных, которые придали ее плану особую целостность и завершенность. Речь идет о Белом или Царевом городе и Скородоме.

Укрепления Белого города, возведенные в 1586-1593 гг. под руководством "государева мастера" Федора Коня, включали 27 башен, в том числе 10 проездных, и простирались более чем на 9 км в длину, пересекая Неглинную и охватывая единым полукольцом посады всего левобережья Москвы-реки. Стены Белого города прошли, в основном, по исторически сложившейся линии давних более легких укреплений московского посада. Но это был не обычный очередной этап расширения города. Могучие каменные стены Белого города не просто опоясали окраину города, а как бы прорезали широко раскинувшиеся посады, решительно вычленив из них огромную центральную часть. У этой величественной и целостной центральной части Москвы — Царь-города — осталось с внешней стороны еще большое предградье — посад, который тоже стал восприниматься как одно целое и тоже получил внешнюю стену — деревянную на земляном валу, сооруженную за один год, в 1591-1592 гг. и названную, ввиду этого, Скородомом. А Кремль, объединенный с Китай-городом, стал цитаделью московского Белого Царь-города, расположенной в самом его центре.

Очертания плана стен Скородома свидетельствуют о достаточно последовательном, целенаправленном воплощении идеи окружения Царственной Москвы правильным по форме кольцом внешних стен, хотя, конечно, понятие правильности здесь было весьма относительным. Шестнадцатикилометровые по протяженности стены Скородома, охватив широкую полосу слободской застройки вокруг Белого города, перекинулись через Москву-реку и впервые включили в черту города обширный район Замоскворечья (который, однако, и в XVII в. еще часто рассматривался как самостоятельная часть города, как "Стрелецкая слобода", ибо на военные поселения здесь приходилась очень большая доля территории). Причем, и Замоскворечье, и Заяузье — тоже достаточно автономный район — в композиционном отношении были трактованы теперь уже как самостоятельные и неотъемлемые части одного градостроительного целого. Таким образом,

вполне естественный процесс разрастания посадов Москвы¹³ привел к рождению нового градостроительного качества, к появлению уникального по своей завершенности и целостности столичного города.

Четыре "города" Москвы — Кремль, Китай-город, Белый город и Скородом — образовали весьма стройную иерархическую систему, причем, систему, не вполне традиционную, так как она строилась уже не столько на принципе соподчинения "по старшинству" относительно самостоятельных городских образований, сколько на принципе абсолютного подчинения малого "города" большому, периферии центру. Если, например, в древнем Киеве "город Владимира" и "город Ярослава" имели свои собственные центры и могли восприниматься порознь, обособленно друг от друга, то в Москве Скородом и Белый город в принципе не могли существовать без Кремля и Китай-города. Московские "города" как бы вставлялись один в другой, образуя вместе неделимое целое. Только соседство Кремля и Китай-города сохраняло черты традиционной системы соподчинения городских зон, но и оно стало уже оцениваться во многом по-новому, как взаимодополнение двух необходимых функциональных частей единого градостроительного ядра столицы.

Это хорошо иллюстрируют первые аксонометрические планы Москвы, появившиеся на рубеже XVI-XVII вв. На Петровом, Сигизмундовом, Несвижском и других планах Москвы особенно подробно и в наиболее крупном масштабе были изображены Кремль и в качестве его прямого продолжения Китай-город. Белый город изображался обобщеннее, а Скородом — совсем условно и в большом масштабом сокращении. Разномасштабность в передаче градостроительных зон Москвы с последовательностью отвечала их общепризнанной содержательной и ценностной иерархии.

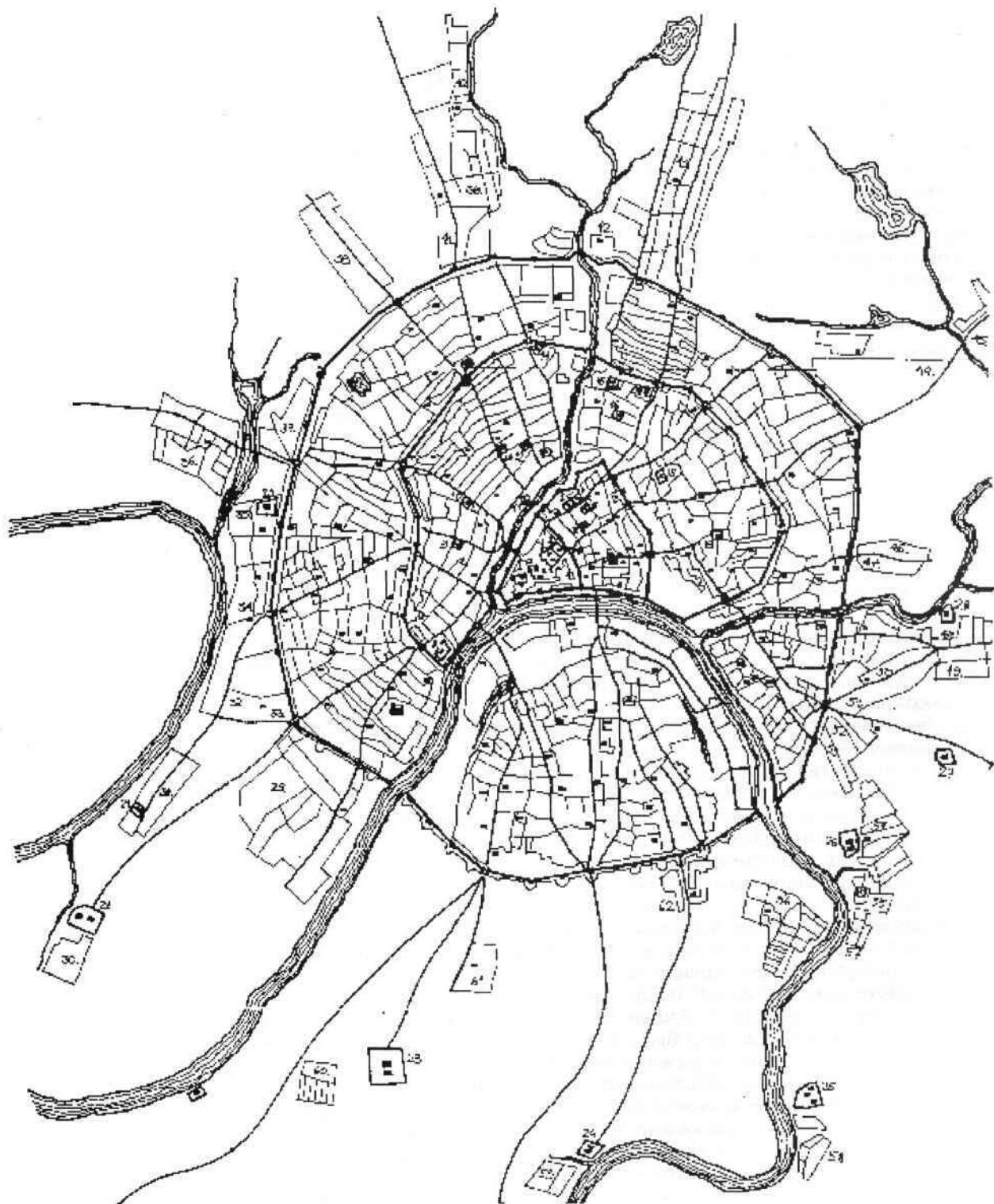
На упомянутых планах в стенах Скородома показано 12 ворот. Вероятно, это не случайно, и главных проездных ворот изначально было устроено, действительно, 12 (хотя по другим сведениям общее число проездных башен Скородома составляло 34, а глухих около 100). 12 ворот можно было насчитать и в линии укреплений Белого города, если к 10 воротам собственно белгородской стены присовокупить еще двое ворот Китай-города и Кремля, обращенных на Москву-реку, вдоль берега которой была создана единая линия стен указанных трех городов. Этот факт, вероятно, имел отношение к идейно-символической стороне той большой градостроительной программы, которая получила осуществление в Москве конца XVI в.¹⁴ Москва провозглашалась "Третьим" и "Последним", а значит, "Совершенным" Римом и поэтому так или иначе соотносилась одновременно и с "Первым" Римом, и со "Вторым" Римом — Константинополем, и с Иерусалимом — священной городом, с которым связаны эсхатологические представления христиан. Эти прославленные градостроительные образцы не исключали друг друга, а напротив, взаимодополнялись и выступали в единстве постольку, поскольку воспринимались тогда в предельно обобщенном, идеализированном виде, в конеч-

ном итоге сводившемся к единой абстрагированной модели города-идеала¹⁵.

Сохраняя многие традиционные черты, Москва XVI-XVII вв. оказалась, вместе с тем, обладательницей уникальной по своей завершенности моноцентрической, радиально-кольцевой структуры плана, в которой с большой непосредственностью и полнотой запечатлелось существо утверждавшегося в то время монархического государственного устройства. При этом схема плана Москвы оказалась, пожалуй, более близкой по общим принципам своего построения к ренессансному идеальному городу, нежели переживавший в тот же период возрождение папский Рим. Да и другие города тогдашней Европы представляли собой гораздо менее собранные, менее централизованные пространственные композиции: ведь крепостные цитадели, замки и средневековых, и ренессансных городов Европы практически никогда не оказывались в их геометрических центрах, а включались, как правило, в линию обороны этих городов. И вообще, средневековые европейские феодальные замки, как известно, противостояли городам с их стремлением к самоуправлению. Московский "Замок великого государя", как его нередко называли европейские путешественники XVII в., принципиально отличался от западно-европейских феодальных замков, служа, действительно, общегородским центром, детинцем, историческим ядром и началом города, средоточием государственной власти и духовного величия.

Намерение Бориса Годунова возвести в Московском Кремле новый монументальный храм поистине царственного достоинства, который мог бы безраздельно господствовать в панораме всего необъятного города, как известно, не осуществилось. Москва не получила такой архитектурной доминанты, которая могла бы быть сопоставлена по масштабу с собором святого Петра в Риме, возведенным как раз в XVI в., но зато целый "куст" главных храмов Кремля с Иваном Великим в центре занял, действительно, главенствующее положение в панораме города. Соборный комплекс Кремля обладал очень большой притягательной силой. Он был хорошо виден и с дальних подступов к Москве, и с Москвы-реки, и со множества улиц, особенно с тех точек, где начинались спуски с окружающих центральное ядро Москвы возвышенностей. Благодаря открытому характеру города почти каждый его фрагмент, каждая слобода, богатая усадьба или монастырь могли быть зрительно соотнесены с Кремлем, с Покровским собором на Красной площади.

Анализ плана Москвы конца XVI-XVII вв. дает основания полагать, что в качестве центральной точки для "прочерчивания" колец стен Белого города и Скородома был избран Покровский собор на Красной площади (или Лобное место?). Можно предположить, что делались отдельные промеры от этой центральной точки до главных ворот в указанных кольцевых укреплениях, однако, тот же анализ показывает, насколько эта разбивка плана Москвы была далека от подлинной геометрической правильности, которая в полной мере завоевала свои позиции в градостроительстве только в Новое время.

План Москвы XVII в.

Монастыри:

1 — Чудов; 2 — Вознесенский; 3 — Заиконо-Спасский; 4 — Никольский; 5 — Богоявленский; 6 — Знаменский; 7 — Ильинский; 8 — Алексеевский; 9 — Крестовоздвиженский; 10 — Никитский; 11 — Моисеевский; 12 — Георгиевский; 13 — Воскресенский; 14 — Высокопетровский; 15 — Рождественский; 16 — Варсанофьевский; 17 — Сретенский; 18 — Златоустовский; 19 — Ивановский; 20 — Страстной; 21 — Зачатьевский; 22 — Новинский; 23 — Саввин; 24 — Новодевичий; 25 — Донской; 26 — Данилов; 27 — Симонов; 28 — Ново Спасский; 29 — Покровский; 30 — Андроников.

Слободы за Земляным городом:

29 — Хамовники; 30 — Новодевичья; 31 — Саввинская; 32 — Запасная (дворцовая); 33 — Конюшенная (новая); 34 — Ка-

менная; 35 — Новинская; 36 — Псаренная (дворцовая); 37 — Кудрина; 38 — Тверская (Ямская); 39 — Воротничья (новая, военная); 40 — Сущевская; 41 — Дмитровская (новая); 42 — Троицкая; 43 — Мещанская; 44 — Басманная (дворцовая); 45 — Елоховская дворцовая; 46 — Сыромятая; 47 — Мельничная; 48 — Андроньевская; 49 — Рогожская (Ямская); 50 — Алексеевская; 51 — Семеновская; 52 — Воронцовская; 53 — Каменцикова; 54 — Ново-Спасская; 55 — Крутицы; 56 — Кожевницкая; 57 — Арбатец, у Крутиц; 58 — Симонова; 59 — Даниловская; 60 — Донская (коровья); 61 — Шаболовская; 62 — Коломенская (Ямская).

Схема составлена Р.В.Цеханским на основании Мичуринского плана Москвы 1739 г. с использованием материалов С.К.Богоявленского

В этой связи заслуживает внимательного отношения идея композиционного равновесия или баланса, выдвинутая М.П.Кудрявцевым на первый план в качестве организующего начала отдельных ансамблей и всей Москвы XVII в. в целом¹⁶. В самом деле, принцип равновесия ощущается в ансамблях допетровской Москвы, однако, следует признать, что ощущается он с разной степенью полноты. Это и понятно, поскольку абсолютная гармония в Средневековье мыслилась недостижимой на земле и составлявшей лишь общую цель посильного восхождения по степеням совершенства. Говоря о средневековой Москве, все же не стоит абсолютизировать значение идеи композиционного равновесия, свойственной профессиональному сознанию архитекторов Нового времени, но очень важно констатировать проявление все более и более устойчивой тенденции к достижению такого равновесия, законченности, регулярности, прежде всего в центральном ансамбле Москвы, что напрямую соотносывалось с самой логикой создания новой священной столицы мира.

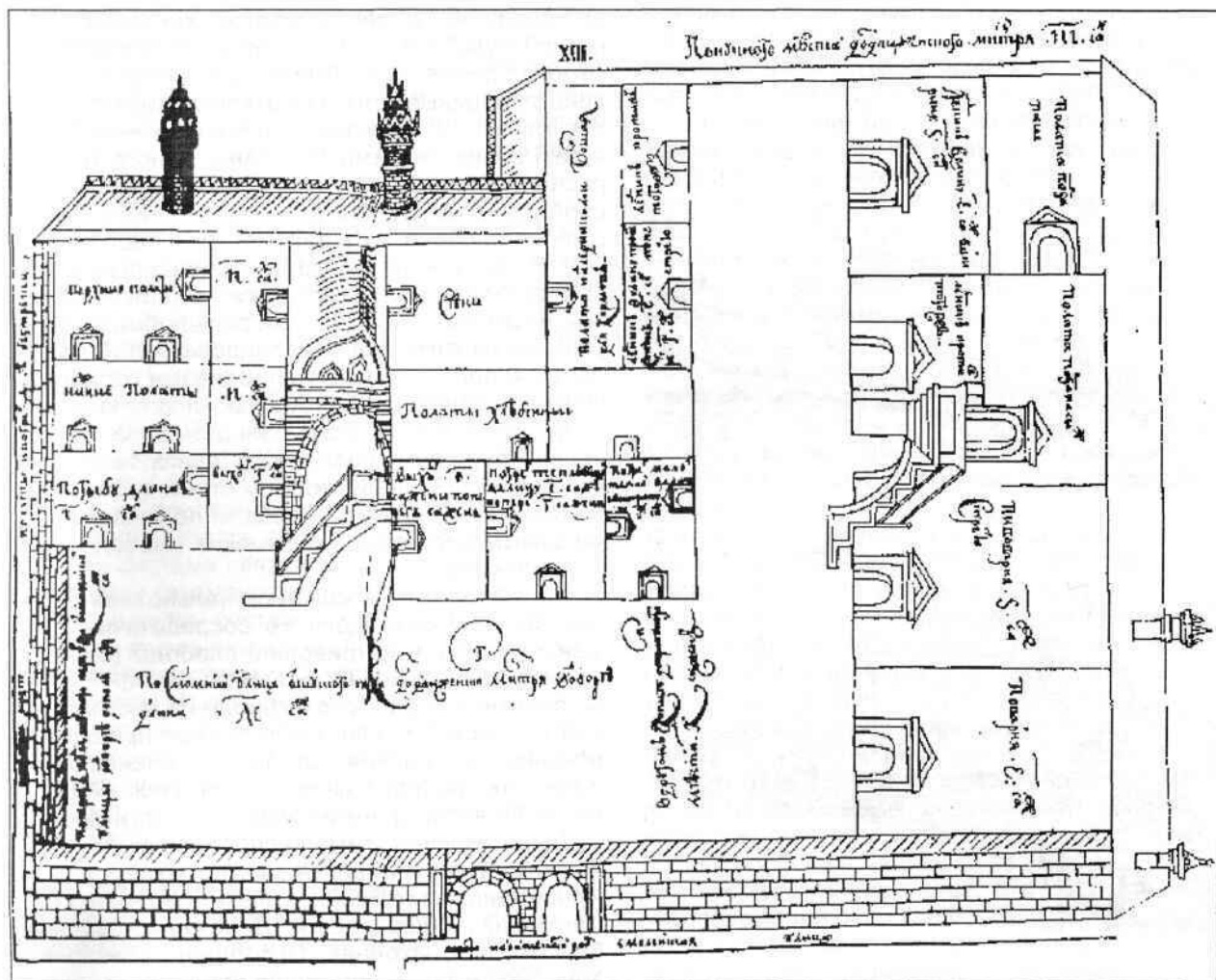
Отмечая такую общую тенденцию, необходимо признать, вместе с тем, что она проявлялась в борьбе с противоположным устремлением — к расслоению и раздроблению посадской застройки, как и, в социально-экономическом плане, самого посадского мира. Вообще, развитие городских посадов в московское время протекало под одновременным воздействием разнонаправленных сил, как центростремительных, так и центробежных.

Государство заботилось об определенной регламентации и систематизации городской планировки и застройки, о "посадском строении". Известно, что уже в самом начале княжения Ивана III Москва была поделена на административно-судебные участки: в первый участок входило Замоскворечье с Даниловым монастырем и его слободой, вторым участком было Заяузье со Спасо-Андрониковым монастырем и "городищем", третьим — часть Великого посада от Варварки до Москвы-реки, четвертым — Великий посад к северу от Варварки вплоть до Неглинной, а также за его пределы — территория от Сретенки до Неглинной, пятым — Занеглименье с селами Семчинским и Дорогомиловым¹⁷. В XVI-XVII вв. Москва делилась на участки так называемых "объезжих голов", которые были предшественниками полицейских частей города XVIII в. Целью такого деления была охрана порядка и "бережение" от пожаров. Границы участков "объезжих голов" с течением времени несколько менялись, но в основе своей они предопределялись общей планировочной структурой Москвы. Кремль всегда составлял один самый престижный участок. Китай-город иногда тоже отдавался в объезд одному "голове", но нередко, особенно во время волнений, он делился надвое по Ильинке или Варварке. Белый город чаще всего подразделялся на четыре части, две из которых были в его "Большой половине" (в секторе между Неглинной и Яузой), а две — в "Малой" (Занеглименье). Разделителями здесь служили в первом случае Покровка, а во втором, как правило, Большая Никитская. Иногда число участков "объезжих голов" в Белом городе увеличивалось до семи. В таком случае для деления посада из-

бирались такие радиальные улицы, как Сретенка, Тверская, Знаменка. При Михаиле Федоровиче Романове, в отличие от более раннего времени, "Большой" половиной Белого города стало считаться Занеглименье, а "Малой" — та часть, что простиралась к востоку от Китай-города. "Росписи мест службы начинались от Чертолья, от его ворот, где и находилось первое место по местническим счетам"¹⁸.

Скородом — Земляной город, как его стали называть в XVII в., включал в себя в разных случаях до одиннадцати "объезжих" участков. Особую часть составляло Заяузье, которое в 1642 г. было разделено на две половины по Большой улице, "что ездят к Спасу на Новое". К Заяузью, впрочем, относилась и небольшая часть территории правобережья Яузы — от Яузских ворот до церкви Благовещения на Воронцове. В начале XVII в. Заяузье ставилось в официальных документах на самое последнее место среди всех частей Москвы, но начиная с 1624 г., его стали помещать, наоборот, на первое место среди других частей Земляного города, сразу же за последним местом Белого города. Замоскворечье в XVI-XVII вв. служило единым объездным участком, которому отводилось предпоследнее место в иерархии городских зон. Однако, с 1619 г. оно стало разделяться на две половины по улице Пятницкой, а иногда на три — по Пятницкой и по Большой Ордынке¹⁹. При делении Москвы на участки "объезжих голов" в 1653 г. Замоскворечье оказалось на последнем месте, перед ним было помещено Заяузье. Перечень участков в Земляном городе начинался от Зачатьевского монастыря на берегу Москвы-реки и следовал движению по часовой стрелке: 1 — по Арбатскую улицу, 2 — по Тверскую улицу, 3 — по Неглинную, 4 — по Сretenскую улицу, 5 — до Благовещения, что на Воронцовом поле, 6 — "за Яузскими воротами... и за Яузой, за мостом". В Замоскворечьи при том делении Москвы было назначено только два участка "объезжих голов": "от Пятницкой улицы ж, едучи из города с Живого мосту, направо"²⁰.

Как видно, зонирование города производилось, исходя из представлений о нем как о едином целом, но таком целом, которое имеет определенную субординацию территориальных зон. Однако, если иерархическая субординация Кремля, Китай-города, Белого города и Скородома была самоочевидна, то к ранжированию территорий в пределах этих городов с иерархическими мерками подходить было трудно. Поэтому здесь осуществлялось в централизованном порядке, как правило, достаточно равномерное, почти механическое нарезание участков, последовательно пронумерованных по часовой стрелке, и только в некоторых случаях производилось перераспределение мест в этой традиционной последовательности, исходя из изменений реальной значимости отдельных зон в процессе их развития, как об этом свидетельствует пример Заяузья. Нечто подобное такой ранжировке участков территории представляло собой традиционное рассаживание русской знати на лавках вдоль стен палаты, начиная от ее Красного угла, в строго установленной последовательности в соответствии с относительными достоинствами родов. Важны были не индивидуальные особен-

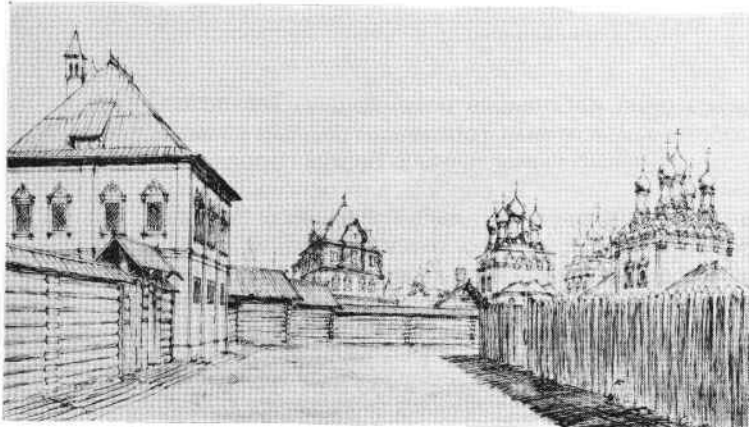
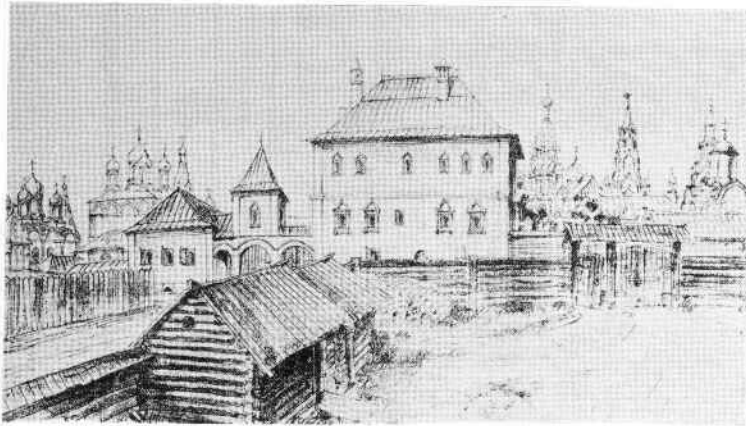
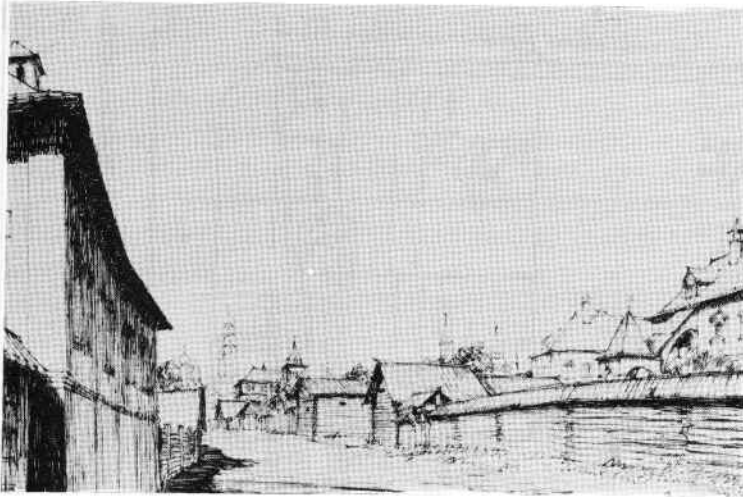
И.А. Бондаренко. ФОРМИРОВАНИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ

представляли собой соседские общины со своими выборными старостами, которые исполняли роль посредников между ними и государственной администрацией и, с одной стороны, должны были отстаивать интересы своей общины, а с другой, — отвечать перед государством за исправное несение "тягла" всей слободой. Модель слободского самоуправления была глубоко традиционной, но характер жизнедеятельности слобод в огромном столичном городе обрел новое качество. Вот, как писал об этом С.К.Богоявленский: "Требуя службы от низших сословий, правительство старалось иметь дело не с отдельными лицами, а с объединением их, так что организовывалась круговая порука всех членов таких объединений. Отсюда вытекала неизбежность предоставления многим организациям известной доли самоуправления, призванного не к отстаиванию или завоеванию прав, а к исправному выполнению всеми участниками казенной службы. При такой системе понятно образование посадских миров в меньших городах и образование слобод в Москве, которая по своей обширности должна была представлять из себя сочетание многих самоуправляющихся миров, члены которых связаны между собой единством службы"²⁴.

В Кремле слобод не было: здесь жили, помимо царя и патриарха, лишь избранные вельможи со своей челядью. В Китай-городе в XVII в. была

только одна небольшая патриаршая Певческая слобода за Верхними Торговыми рядами вблизи Богоявленского монастыря. В Белом городе насчитывалось более 20 слобод, а их основная масса (около 70) располагалась в пределах Земляного города. Кроме того, около 50 слобод, тяготея к городу, находились за его чертой. Согласно исследованиям С.К.Богоявленского, в Москве второй половины XVII в. можно было выделить следующие типы слобод: 1 — дворцовые и казенные (51 сл.), 2 — военные (33 сл.), 3 — монастырские и владычные (26 сл.), 4 — иноземческие (8 сл.), 5 — черные (25 сл.). По числу дворов первое место занимали военные (главным образом, Стрелецкие, а также Пушкарская, Казацкая, Воротничьи слободы) — около 11 тысяч дворов. Приближалась к 3,5 тысячам численность дворов в дворцовых и казенных слободах. Близкой численности были и черные слободы. Монастырские и владычные слободы насчитывали 1800 дворов, а иноземческие слободы — всего 500 дворов²⁵. Однако, надо учитывать, что приведенные цифры не были постоянными, так как картина заселения московских слобод в XVII в. была весьма динамичной.

Дворцовые и казенные слободы по большей части концентрировались в восточной и западной частях Земляного города. В частности, в юго-западном направлении, за Чертольем, по дороге к Лужникам и Остожью издавна возникли слобо-

Каменные палаты на посадах Москвы XVII — начала XVIII вв. Реконструкции А.В.Можаява:

а — Кадашевская слобода. Воскресенская улица (1-й Кадашевский переулочек). Вид в сторону Кремля. *Слева* — сохранившиеся палаты (д.8 по 1-му Кадашевскому переулочку); *справа* — палаты, образующие первый этаж дома 9/7 по 1-му Кадашевскому переулочку; *справа в глубине* — д. 14 по 2-му Кадашевскому переулочку; *б* — Китай-город. Вид в сторону Кремля с крыльца церкви Троицы в Никитниках. *В центре* — палаты С.Ушакова с флигелем и воротами (по И.И.Казакевич); *у левого края* — Знаменский монастырь с палатами Романовых; *справа* — церковь Николая Красный Звон (по изображению XIX в.). Застройка соседних с палатами участков условно показана деревянной; *в* - Белый город. Кривоколенный переулочек. *Слева* — палаты в начале переулочка, составляющие основу дома Веневитиновых; в центре несохранившиеся палаты И.А.Салтыкова; *справа* — церкви на подворьях Вятской, Псковской и Коломенской епархий, стоявшие на углу Мясницкой и переулочка; *в глубине* — Никольские ворота Китай-города

ды, обслуживавшие государевы конюшни. "Конюший путь" в этом направлении начинался от самого Кремля, где у Боровицких ворот находились дворцовые аргамачьи конюшни. Посреди Чертолья стоял Колымажный Конюшенный двор, а за Пречистенскими воротами Белого города располагалась Большая или Старая Конюшенная слобода. К концу XVII в. выросла Новая Конюшенная слобода за воротами Земляного города²⁶. Большая концентрация казенных ремесленных слобод наблюдалась также в районе Заяузья, на Швивой горке. Целый ряд слобод был образован из загородных дворцовых сел и располагался, порой, далеко за пределами городской черты. Военные слободы, в противоположность дворцовым, практически полностью (за исключением двух) помещались в пределах Земляного города. А с внешней стороны стены этого города окружили, тяготея к выездам по главным радиальным направлениям, ямские слободы, вытянутые вдоль дорог.

Белый город включал относительно много черных слобод, хотя здесь же сосредотачивались монастырские и патриаршие слободы (особенно между Сретенкой и рекой Неглинной). Но важно отметить, что в Белом городе на протяжении XVII в., быстро росло число дворов привилегированного населения, которое постепенно стало вытеснять простолюдинов из этой, ставшей центральной и аристократизировавшейся части Москвы.

Многие слободы имели определенную производственную специализацию, на что указывали их наименования: Бронная, Печатная, Кузнецкая, Плотничья, Конюшенная, Денежная, Садовая, Сыромятная, Иконная, Огородная, Гончарная, Хамовная и др. В первую очередь это касалось казенных слобод, состоявших при крупных Государевых дворах, таких как Кадашевский Ткацкий, Пушечный. От Государева сада напротив Кремля вытянулась вниз по течению Москвы-реки единой длинной полосой Верхняя, Средняя и Нижняя Садовнические слободы. Память о специализации отдельных поселений на территории допетровской Москвы несут в себе названия многих улиц и переулочков: Большая и Малая Бронные, Пушечная, Поварская, Ново-Кузнецкая, Таганская улицы, Плотников, Лучников, Горшечный, Скатерный переулочки, Кузнецкий мост, Котельническая набережная и др.

Однако, очень многие, в особенности черные, а также иноземские и монастырские слободы назывались не по роду деятельности их жителей, а по чисто топографическим признакам, посвящениям соответствующих приходских храмов или монастырей, по именам их владельцев, по признаку происхождения их жителей из иных городов и стран. Приведем для примера такие названия слобод, как Троицкая, Дмитровская, Панкратьевская, Новгородская, Сретенская, Устюжская, Арбатская, Ордынская, Воздвиженская, Рождественская, Златоустинская, Благовещенская, Донская, Немецкая, Татарская, Греческая, Мещанская, Панская. При этом надо учитывать, что названия слобод, а особенно проходивших сквозь них улиц, были в XVI-XVII вв. не вполне устойчивыми, и нередко одни и те же улицы в документах назывались по-разному. Их названия могли иметь различное происхождение, но общей

для них была ориентация на наиболее существенные в глазах местных жителей признаки.

Слободская организация московских посадов дополнялась церковно-приходской. Размеры приходов, в принципе, должны были соответствовать величинам слобод, однако на практике в условиях огромного города XVII в. «большинство слобод в своих границах не совпадали с приходами: большая слобода состояла в нескольких приходах, небольшая представляла из себя часть прихода. Например, в Казенной слободе жили прихожане трех церквей: ап.Иакова, Иоанна Предтечи и Воскресения в Барашах, из которых первая церковь была приходской также близ лежащей Стрелецкой слободы, а третья имела многочисленных прихожан в Барашской слободе»²⁷. Таким образом, несмотря на определенную территориальную и организационную замкнутость слобод, в религиозной жизни московского посада устанавливалась своя, достаточно самостоятельная система связей и границ. Все приходские храмы (знаменитые московские «сорок сороков») в целом составляли единую общегородскую сеть, подчиненную церковной иерархии и возглавлявшуюся особым Патриаршим Приказом.

Слободы Москвы были подведомственны Приказам, осуществлявшим функции централизованного управления страной. Дворцовые слободы подчинялись разным Приказам — Большого двorca, Конюшенному, Казенному, Каменному; военными слободами заведовали Приказы — Стрелецкий, Пушкарский, Казачий, Бронный. Черные слободы находились в подчинении у Земского Приказа, который отвечал за общее благоустройство и общественный порядок в Москве. В связи с этим на черные слободы ложились особенно тяжелые повинности по поддержанию в порядке старых и настилке новых деревянных мостовых, обеспечению непрерывного дежурства 75 человек ярыжных — тогдашних полицейских, 6 извозчиков для экстренных посылок, 18 сторожей на тюремном дворе, 29 целовальников на кружечных дворах, 52 целовальника в различных Приказах²⁸.

Разная подчиненность отдельных групп посадских жителей усугубляла неравенство между ними, что вызывало в XVII в. все большую и большую социальную напряженность. С одной стороны, государство добивалось увеличения доли черносошных земель, как сельских, так и городских, — то есть собственно посадских, жители которых «несли тягло», то есть содержали государство. С другой стороны, своими всевозрастающими поборами и повинностями оно буквально разоряло свободных общинников — тяглецов. Политика государственного крепостничества вела к тому, что предоставленное посадской общине самоуправление оказывалось обесцененным, а переход в «белые», частновладельческие слободы становился благом, так как нес освобождение от тягла. Традиционные формы феодальной зависимости, таким образом, совершенно поновому проявляли себя. В то же время обеление отдельных посадских дворов тяжело отражалось на жизни посадской общины, которая вынуждена была меньшим числом своих членов тянуть то же тягло. Поэтому черносошное посадское население вело борьбу с беломестцами, требовало отмены их привилегий. Но каждый посадский

житель при этом оказывался в плену двух противоположных стремлений — к выходу из тягла и, до тех пор, пока это не удавалось, — к удержанию в общинном тягле своих соседей.

В первые годы после Смутного времени произошло резкое возрастание числа обеленных слобод и отдельных дворов. В Москве к началу 1620-х годов пустовавшие земли в Белом городе и Скородоме были уже, в основном, розданы, и многие служилые люди стали покупать дворы в черных слободах, «обеляя» их. Этот процесс отобразили челобитные слободских старост, поданные царю в 1620 и 1621 гг. «на тяглых людей, что они своим умыслом продают дворы свои... беломестцам дорогою ценою, а ... беломестцы... тягловые места хотят обеливать; и черные ... сотни и черные слободы от того пустеют»²⁹. Царь, уже не в первый раз, указал «тяглых дворов и дворовых мест беломестцам не продать, и не заложить, и по душе, и в приданое никому не отдать». В 1637 г. дворяне и жители московских черных слобод подали петицию с требованием возвратить всех закладчиков и приложили при этом роспись на 448 человек. Затем выступили и казенные и дворцовые слободы. Результатом этого было объявление сыска бывших московских посадских людей, покинувших тягло с 1613 г. С этой целью было решено создать новый Приказ Сыскных дел. Однако, обстановка разрядилась, и намеченные мероприятия осуществлялись далеко не во всей строгости. Было, в частности, принято решение не возвращать на посадки людей дворцового ведомства. В привилегированном положении оказывались теперь и служилые люди «по прибору» — стрельцы, пушкарки, казаки. Существенные привилегии получило купечество, что не замедлило сказаться на развитии торговли в России XVII в.

После так называемого «соляного бунта» 1648 г. царь Алексей Михайлович собрал собор для составления нового Судебника или Уложения, которое должно было узаконить целый ряд требований различных слоев общества. Соборное Уложение 1649 г.; состоявшее из 25 глав, было пронизано решимостью навести строгий государственный порядок во всех жизненно важных сферах. Оно содержало коренную посадскую реформу, согласно которой белые слободы в городах должны были полностью ликвидироваться³⁰.

Соборное Уложение 1649 г. закрепляло монопольное право посадского населения на городские ремесла и «вольный торг». Приезжим в Москву предписывалось впредь торговать только «на Гостином дворе, а в рядах лавок не наймовати и свои лавки тем людям, у кого в которых рядах покуплены продати Государевым тяглым людем Москвичам»³¹. Лишались права держать лавки в городе крестьяне, которые могли торговать здесь только с возов. Таким образом, забота об укреплении посадов вела к определенному разделению и противопоставлению города и деревни. Но непосредственное сельское окружение Москвы было ее необходимой составной частью — выгоном, законные права на который посадских жителей также подтверждались Уложением: «А выгону быти около Москвы на все стороны от земляного города, ото рву, по две версты»³².

Возрастание плотности застройки при все более случайном чередовании белых и черных мест в городе вызвало потребность в следующей статье Уложения: "А которые в городах и на посадах и около посадов ... сошлись... вотчины и поместья с посады, дворы с дворами, или близко посадов: и те вотчины и поместья взяти за Государя, и устроити к посадам податями и службами. А против тех взятых вотчин и поместей указал Государь дати им в ином месте из своих Государевых сел"³³. То есть власти проявляли заботу об укрупнении и упорядочении территориального зонирования городского посада. Характерны и частные предписания, нацеленные на упорядочение посадской застройки, такие, как запрещение ставить строения на меже с соседями, печи и поварни — примыкающими к стенам соседских строений, высокие строения рядом с низкими соседскими, и при этом — лить воду и сбрасывать сор с них на последние. В случае нарушения этих статей все строения виновного подлежали сносу³⁴.

Посадская реформа была связана с основными идеями церковной реформы, с заботой царя и патриарха о церковном благочестии. В частности, очевидно, именно по этой причине Москва должна была быть освобождена от иноверцев: "... у Русских людей Немцам и Немкам двомам дворов не покупати, и в заклад не имати... А на которых Немецких дворах поставлены Немецкия кирпичи: и те кирпичи сломати, и впредь в Китае и в Белом и в Земляном городе на Немецких дворах кирпичамь не быти, а быти им за городом за Земляным, от церковей Божиих в дальних местах"³⁵.

Эта статья Уложения 1649 г. подтвердила сходный по содержанию указ 1635 г. В 1652 г. для "немцев", то есть шведов, англичан, голландцев, французов, пруссаков и др. была основана Новая Немецкая слобода на Яузе, на месте Старой Немецкой слободы времен Ивана Грозного.

Статьи Соборного Уложения 1649 г. реализовывались на практике с большим трудом и далеко не полностью. Однако о многом говорит уже самый факт появления таких статей, которые в совокупности вполне определенно указывали цель стремлений самодержавного государства. Можно сказать, что к середине XVII в. сложилась достаточно ясная идеализированная модель городского устройства, предполагающая слияние основной массы горожан в единый "государев посад".

И все же, предписанная Уложением 1649 г. модель посадского устройства строилась на идеализации глубоко традиционных общинных отношений. Время же требовало отказа от этих традиций, в первую очередь от внутренней замкнутости отдельных общин, и поиска новых способов упорядочения городского посада. Поэтому, очевидно, под давлением объективных процессов в 1679 г. начался переход к подворному обложению населения городов. Однако, реакцией на это стало уклонение от податей путем сселения нескольких семей в один двор, что с течением времени достигло весьма широких масштабов (к 1720 г. число податных дворов сократилось на 20%). Учреждение в 1699 г. ратуши как единого для всего города центра уплаты налогов, сопряженное с разделением населения по имущественному признаку на "регулярное" и "не-

регулярное" (первое делилось еще на две "гильдии"), вело к решительному преодолению средневековой слободской структуры посада. При этом Петр I указом 1700 г. разрешил свободную продажу тяглых дворов беломестцам и переход жителей из одной слободы в другую при условии уплаты налогов с каждого двора в соответствующие слободы, которые "сделались налогоспособными, но потеряли свой особый сословный характер, превращаясь в бессословные. Их органы были теперь лишь административно-финансовыми слугами правительства"³⁶. После восстания стрельцов в 1698 г. были ликвидированы стрельческие слободы, а их дворы стали "стрелецкими оброчными землями", сдававшимися под застройку "из оброку". Перевод столицы в Петербург повлек за собой превращение и дворцовых слобод в оброчные земли, сдававшиеся под застройку разным людям. По словам П.В.Сытина, "Можно сказать, что при Петре I Москва в пределах Земляного города была уже единым административным центром, слободы оставались только за Земляным городом, да и то постепенно утрачивали свой прежний характер"³⁷.

Определенным итогом длительной борьбы самодержавного государства за уравнивание всех жителей городского посада перед лицом верховной власти надо признать осуществленный в 1718-1724 гг. переход от подворного к подушному обложению. При этом единым принципом территориального зонирования стал церковно-приходской.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Об этом свидетельствуют археологические исследования последних лет, проведенные под руководством А.Г.Векслера на территориях Старого Ваганькова и особенно Манежной площади, где обнаружен культурный слой XII-XIII вв. Автор выражает глубокую благодарность А.Г.Векслеру за предоставление возможности регулярного ознакомления с этими новейшими исследованиями и за неоднократные научные консультации.

² Розенфельдт И.Г. Древности западной части волго-окского междуречья в VI-IX вв. — М., 1982. — С. 170-177.

³ Векслер А.Г. Заселение территории Москвы с древнейших времен до XIV века. Схема (размещение археологических находок) // Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, Центральные площади. — М., 1982. — С. 22-23.

⁴ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. — Л., 1980. — С. 227; Дубов И.В. Города, величием сияющие. — Л., 1985. — С. 19.

⁵ Забелин И.Е. История города Москвы, ч. 1. — М., 1905. — С. 12-21.

⁶ Очевидно, в ранней Москве эта улица соединяла Кремль с "Вострым концом", занимавшим юго-восточный угол территории Китай-города. Этот топоним, упоминаемый в источниках, заставляет предполагать, что посад древней Москвы складывался, как и в Новгороде, Пскове и других древних городах, из нескольких концов, однако, до нас дошла память об одном этом конце, другие же территориальные единицы, из которых складывались посады Москвы, нам известны под названием сел, слобод и сотен, что, однако, почти не меняет сути рассматриваемого общего процесса формирования градостроительной структуры Москвы.

⁷ Кудрявцев М.П. Использование рельефа местности в русском градостроительстве на примере Москвы XVII в. // Архитектурное наследство № 21. — М., 1973. — С. 3-13.

⁸ В этом отношении определение, найденное Г.Я.Мокеевым, — "спирально-веерная система планировки" (Мокеев Г.Я. Системные элементы планировки древней Москвы // Архитектурное наследство № 30. — М., 1982. — С. 5-12), кажется

вполне удачным. Другое дело, что отметить на этом основании традиционный термин "радиально-кольцевая система", как это делает указанный автор, нет никакой нужды. Именно радиальные направления, пересекаясь с кольцевыми, приобретали ветвистость и веерность. Разные цели, к которым расходились радиальные дороги, были известны заранее. Рост города нельзя, все же, напрямую уподоблять разрастанию ветвей дерева или разворачиванию бутона.

⁹ Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, Центральные площади. — С. 260-262.

¹⁰ Герберштейн С. Записки о московитских делах // Иностранцы о древней Москве. — М., 1991. — С. 14.

¹¹ Кудрявцева Т.Н. Структура и композиционные особенности слобод русского города XVI-XVII вв. // Архитектурное наследство № 32. — М., 1984. — С. 25.

¹² Большой натяжкой выглядит утверждение Г.В.Алферовой, будто бы своей живописной пространственностью средневековый русский город был обязан заимствованию специфических градостроительных законов из Византии. (Алферова Г.В. Кормчая книга как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства, ее влияние на развитие русских городов // Византийский временник, №35, 1973. — С. 195-200; Ее же: Византизм традиции в русском градостроительстве XVI-XVII веков // Византийский временник №49, 1982). Несомненно, что для русских строителей важнее были исконные традиции усадебной и порядковой застройки, уходящие своими корнями в патриархально-общинную эпоху. Во всяком случае, глубокие пространственные разрывы в застройке, "прозоры" по выражению Г.В.Алферовой, образовывались в русских городах, конечно же, не в силу твердого следования византийскому градостроительному законодательству, хотя внимание к этому законодательству и его включение в русские Кормчие книги само по себе весьма знаменательно: оно, очевидно, свидетельствовало о желании утвердить право Московской Руси на роль преемницы павшей Византийской империи и в этой, градостроительной сфере.

¹³ Мокеев Г.Я. Указ. соч. — С. 11-12.

¹⁴ О воплощении образа горнего Иерусалима в Москве XVII в. писал М.П.Кудрявцев: см. его статью "Опыт приведения Москвы конца XVII в. к идеализированной схеме // Архитектурное наследство №30. — М., 1982. — С. 13-23. Солидаризируясь с общей постановкой вопроса, считаю необходимым отметить, что М.П.Кудрявцев все же напрасно стремился увидеть в плане Скородома квадрат со срезанными углами. Хотя известно, что горний Иерусалим описывался в Апокалипсисе в виде "четвероугольного" города, с каждой стороны которого расположено по трое ворот (Откр., 21, стб. 12-21), а земной Иерусалим тоже мыслился как город, построенный "крестным знамением" "на четыре угла" (Путешествие игумена Даниила // Сахаров И.П. Сказания русского народа, т. 2, кн. 8. Путешествия русских людей. — СПб., 1849. — С. 18), тем не менее, образ этого священного града часто передавался и в виде круга — символа совершенства. Показательно для нас, например, изображение круглого "горнего Сиона" на известной программной иконе середины XVI в. "Церковь Воинствующая", где это изображение символизирует именно Москву (Алпатов М.В. Всеобщая история искусств, т. 3. — М., 1955. — С. 273).

¹⁵ Бондаренко И.А. Образ Нового Рима в архитектуре Москвы // Архитектура мира, 3. — М., 1994.

¹⁶ Кудрявцев М.П. Некоторые принципы и композиционные приемы градостроительства Москвы XVII в. // Архитектурное наследство № 33. — М., 1985. — С. 23-30.

¹⁷ Забелин И.Е. История города Москвы, ч. 2. Посад. Гранки рукописи, ГИМ, ОПИ, ф. с. 28.

¹⁸ Там же. — С. 28.

¹⁹ Там же. — С. 28.

²⁰ Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы, т. 1. — М., 1950. — С. 111-112.

²¹ Забелин И.Е. История города Москвы, ч. 2. Посад. — С. 27.

²² Там же. — С. 28.

²³ История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. под ред. Б.А.Рыбакова. — М., 1975. — С. 294-335.

²⁴ Богоявленский С.К. Московские слободы и сотни в XVII столетии // Московский край в его прошлом. — М., 1930. — С. 127.

²⁵ Там же. — С. 126-127.

²⁶ Забелин И.Е. История города Москвы, ч. 2. Посад. — С. 29-30.

²⁷ Богоявленский С.К. Указ. соч. — С. 118.

²⁸ Там же. — С. 128.

²⁹ Сытин П.В. Указ. соч. — С. 83.

³⁰ Всех посадских тяглецов, перешедших на белые земли, надлежало "сыскивати и свозити на старые их посадские места, где кто жывал наперед сего, безлетно ж и без поворотно". (Соборное Уложение 1649 г. Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. — М., 1913. — С. 226).

³¹ Там же. — С. 232.

³² Там же. — С. 224.

³³ Там же. — С. 224.

³⁴ Последние из приведенных узаконений были заимствованы из византийского по происхождению Прохирона — "Закона градского", включенного в Кормчую книгу, изданную в Москве патриархом Иосифом как раз в 1649 г. Это подтверждается и указом царя Алексея Михайловича выписать из "градских законов греческих царей" статьи, "пристойные к государственным и земским делам" (Кудрявцева Т.Н. Древнерусский город и византийское законодательство // Архитектурное наследство № 36. — М., 1988. — С. 155). Это может служить одним из аргументов в пользу того, что посадская реформа середины XVII в. преследовала не только назревшие прагматические цели, но отвечала, вместе с тем, широкой идеологической программе утверждения преемственной связи Москвы с бывшей столицей Византийской империи.

³⁵ Соборное Уложение 1649 г. — С. 234.

³⁶ Сытин П.В. Указ. соч. — С. 187.

³⁷ Там же. — С. 203-204.